

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.04

Правильная ссылка на статью:

Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 126—145.

For citation:

Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. Cohabitation in Russia: “trial” union or an independent social institution // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 126—145.

А. В. Артамонова, Е. С. Митрофанова СОЖИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗВЕНО ИЛИ ЛЕГИТИМНЫЙ ИНСТИТУТ

СОЖИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗВЕНО ИЛИ ЛЕГИТИМНЫЙ ИНСТИТУТ

АРТАМОНОВА Алена Вячеславовна — студентка первого курса магистратуры НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
E-mail: alyona89152694371@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7820-2150

МИТРОФАНОВА Екатерина Сергеевна — магистр социологии, младший научный сотрудник НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
E-mail: mitrofanovy@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3322-5922

Аннотация. После распада СССР наряду с изменениями во всех сферах российского общества произошел сдвиг от традиционно ранней и практически всеобщей брачности к избирательной и более осознанной, а также к росту незарегистрированных отношений, в том числе детоспособных. Эти перемены были расценены учеными как свидетельство наступления в нашей стране Второго демографического

COHABITATION IN RUSSIA: «TRIAL» UNION OR AN INDEPENDENT SOCIAL INSTITUTION

ARTAMONOVA Alena V. — Student, HSE, Moscow, Russia.
E-mail: alyona89152694371@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7820-2150

MITROFANOVA Ekaterina S. — Junior Research Fellow, Laboratory of Social and Demographic Policies HSE, Moscow, Russia.
E-mail: mitrofanovy@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3322-5922

Abstract. Russia has been characterized by an early and universal marriage for a long time. After the Soviet Union collapse, the average ages for marriage have been rising, marital unions have becoming rarer while cohabitations have becoming common because of changes in norms and values that citizens of many other countries witnessed several decades before. Many scholars have observed this trend and tried to explain its reasons

перехода, при котором распространение сожительства проходит в несколько стадий: инновации, популяризации, легитимации и хабиутализации; причем только на последней стадии сожительство становится самостоятельным социальным институтом.

В настоящей работе предпринята попытка выявить факторы вступления в незарегистрированные союзы, и определить, на какой стадии они находятся, по следующим индикаторам: встречаемость среди представителей разных слоев населения, продолжительность и пригодность для реализации родительства. Исследование проводилось на двух базах данных: панельной части обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004, 2007, 2011 гг.) и обследовании «Человек, семья, общество» (2013 г.). Использовались методы «анализа наступления событий» (Event history analysis) и «анализа последовательностей» (Sequence analysis). Результаты анализа показали, что сожительства в России подходят к этапу легитимации: незарегистрированные союзы не уступают по длительности бракам, число внебрачных рождений довольно велико, при этом вероятность вступить в сожительство различается для разных слоев населения. Выше всего она для женщин, жителей городов, нерелигиозных людей и тех, кто получил профессиональное образование.

Ключевые слова: жизненный путь, первый матримониальный союз, сожительство, брак, Второй демографический переход, анализ наступления событий, анализ последовательностей характеристики, молодежная политика

through the perspective of the Second Demographic Transition and Globalization theories. Current research is another attempt to understand these changes.

The aim of this research was to define the nature of cohabitations in Russia, and find out the factors of entrance to non-marital unions. For these purposes, we used Event History Analysis and Sequence Analysis. The key requirement in using these methods is applying longitudinal or retrospective collections of data that have become the gold standard of current quantitative social science. Accordingly, the three-wave panel data of the Russian part of «Generations and Gender Survey» and the retrospective data of «Person, Family, Society» were chosen for this study. The opposite trends of matrimonial behavior were revealed: the younger Russian people are, the higher their probabilities to start the first cohabitation and the lower their risks to have the first marriage. Cohabitation is not a complete alternative to marriage in our country yet, but the proportion of Russians, for whom cohabitation does not grow into a marriage, rises, and young people start to consider a non-marital union appropriate for child-bearing. It is a sign that cohabitation is close to become an independent social institution for young non-religious people who get secondary vocational education in big cities.

Keywords: life course, first marital unions, cohabitation, marriage, second demographic transition, event history analysis, sequence analysis

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта № 14-05-0055 «Изучение динамики формирования и развития семей и процессов рождаемости на данных выборочных обследований» по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Acknowledgements. The study was carried out in the framework on the project No. 14-05-0055 titled “Studying the dynamics of formation and development of families and fertility processes based on cluster sampling data”. The project is part of the research projects’ competition under the NRU-HSE Scientific Foundation Programme.

В настоящем исследовании предпринимается попытка проследить динамику формирования брачно-партнерских союзов на примере поколений россиян, социализировавшихся до момента распада СССР и после, когда все сферы российского общества подверглись изменениям, и в России, долгое время отличавшейся всеобщностью брака и сравнительно ранним возрастом регистрации союзов, начал расти средний возраст вступления в брак (с 1993 г.). Причем число незарегистрированных союзов увеличилось, а возраст вступления в них снизился [Вовк, 2005]. Такие перемены в культуре брачно-партнерского поведения были расценены демографами как свидетельство наступления в нашей стране Второго демографического перехода, при котором незарегистрированные в ЗАГСе союзы выступают альтернативой браку.

Цель нашего исследования — выявить факторы вступления людей в сожительства и выяснить, является ли союз такого типа самостоятельным институтом, функционирующим наравне с браком. Мы попытались дать актуальные и эмпирически подкрепленные ответы на следующие вопросы: какие слои населения предпочитают жить в незарегистрированных отношениях; насколько длительны и стабильны такие отношения; пригодны ли они для рождения и воспитания детей.

Все термины, обозначающие незарегистрированные близкие отношения между людьми, кроме партнерства: сожительство, консенсуальный союз, незарегистрированный союз, фактический брак, — являются синонимами и предполагают совместное проживание индивидов¹. Несмотря на лаконичность термина «сожительство», в обществе он не прижился из-за негативной коннотации слова «сожитель». Однако в науке этот термин закрепился, поэтому в настоящей работе используется именно он.

Основной теоретической рамкой нашего исследования послужила концепция жизненного пути. В социологии и смежных областях жизненные пути принято изучать как процессы развития, культурно-нормативно сконструированные жизненные этапы и соответствующие им социальные роли [Elder, Glen, 1975]. В рамках этого направления социологи изучают период жизни человека с детства до преклонных лет, раскладывая его на разные сферы: семья, образование, работа.

¹ Существует еще некорректный термин «гражданский брак» — выражение, возникшее после 1917 г., когда церковному браку стали противопоставлять ныне обычный, а тогда совершенно новый феномен — зарегистрированный в ЗАГСе гражданский брак. Поэтому прижившееся в обществе словосочетание «гражданский брак» — синоним не сожительства, а брака.

Настоящее исследование посвящено сфере семьи и сфокусировано на начале брачно-партнерских траекторий.

В течение последних десятилетий жизненные пути россиян, стандартизовавшиеся до 1960-х гг. были дополнены такими характеристиками, как принципиальная открытость и разнообразие индивидуальных маневров. Матримониальное поведение перестало быть настолько зависимым от сексуального и репродуктивного, как это было при традиционной модели демографического поведения [Митрофанова, 2011]. На смену браку пришли альтернативные формы совместной жизни, и наиболее распространенной из них стало сожительство.

В западноевропейских странах, где незарегистрированные союзы перестали быть формой отклоняющегося поведения значительно раньше, чем в России [Mills, 2000], раньше стали изучать распространение сожительства. Возникло несколько теорий, объясняющих это явление. Основной является теория Второго демографического перехода, разработанная Р. Лестегом и Д. ван де Каа в 1986 г. [Lesthaeghe, van de Kaa, 1986] и, по мнению исследователей, наиболее точно описывающая изменения в матримониальном поведении [Zakharov, 2008; Avdeev, Monnier, 2000]. В рамках этой теории на эмпирическом уровне было доказано, что распространению сожительства способствует не отсутствие благоприятных экономических условий, а ориентация на саморазвитие и независимость [Gerber, Berman, 2010].

Второй демографический переход связан с фундаментальными изменениями жизненного пути человека: свобода выбора брачного партнера и формы совместной жизни расширилась, подход к последствиям сексуальных отношений стал более осознанным, появление контрацепции позволило более тщательно планировать свою жизнь. Фиксированная последовательность событий индивидуальной биографии сменилась разнообразием жизненных путей [Захаров, 2007].

Рассуждая об этих изменениях на ценностно-нормативном уровне, Э. Гидденс называет семью и брак институтами-«пустышками», поскольку названия остались прежними, а основное внутреннее содержание изменилось [Гидденс, 2004: 66]. В традиционной семье, которая составляла экономическую ячейку, супружеская пара была частью структуры, в которой большое значение имели связи с детьми и другими родственниками. На смену этой структуре пришла пара, не обязательно состоящая в официальном браке, но занимающая центральное место в семейной жизни, основу которой составляет романтическая любовь и сексуальное влечение. Как пишет Гидденс, «сегодня более удачным определением происходящего в личной жизни является образование и расторжение пар, чем брак и создание семьи» [Там же: 67].

М. Миллс и ее коллеги дополнили теорию Второго демографического перехода теорией глобализации [Mills, Blossfeld, 2013: 28]. Получившийся комплексный подход определяет сожительство как «эмоциональные и физические интимные отношения, подразумевающие общее место жительства и существующие без законодательного или религиозного санкционирования» [Исупова, 2013].

Сожительство становится самостоятельным институтом, распространяясь среди молодежи как наиболее ориентированной на получение образования и саморазвитие, а не на создание семьи. Во многих отношениях гибкость незарегистрированных

союзов отвечает потребности снижения уровня экономической и политической неопределенности. Плюрализация форм брачно-партнерского и репродуктивного поведения вкупе с повышением общего уровня образования женщин и появлением современных средств контрацепции обусловили откладывание рождения первого ребенка на более поздний возраст или полный отказ от деторождения. Молодые люди предпочитают вступать в сожительство как союз, не всегда предполагающий узаконивание отношений в будущем, но обеспечивающий некоторые преимущества брака, в том числе возможность иметь общий бюджет.

Согласно изысканиям группы теоретиков, работающих под руководством Кирнан [Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008; Matysiak, 2009], сожительство в процессе распространения проходит четыре эволюционных этапа: инновации, популяризации, легитимации и хабиитуализации. На первом этапе незарегистрированные союзы мало распространены и встречаются только среди людей с низким уровнем дохода. На втором — практика сожительства более распространена, причем она наблюдается практически во всех социальных стратах, но такие союзы непродолжительны (браки значительно опережают сожительства по продолжительности), они рассматриваются в качестве первой ступени к браку, совершенно не подходящей для рождения и воспитания детей. На третьем — незарегистрированные союзы начинают восприниматься как альтернатива браку, не уступают ему по длительности и вполне подходят для реализации родительства. На последнем этапе сожительства сливаются с браками и эффективно выполняют все их функции. Структуризация этапов представлена в табл. 1.

Таблица 1. Этапы распространения сожительства

	Инновация (сожительство — проявление девиантного поведения)	Популяризация (сожительство — пробный брак, его придасток)	Легитимация (сожительство — альтернатива браку)	Хабиитуализация (сожительство и брак не отличимы друг от друга)
Встречаемость	Среди малоимущих слоев населения	Во всех социальных стратах		
Длительность	Непродолжительны		Продолжительны	
Приемлемость для деторождения	Не подходит для реализации родительства		Подходит для реализации родительства	

Мы предположили, что в России сожительство находится на стадии перехода от этапа популяризации к этапу легитимации, т. е. хотя оно распространено не только среди людей с низким уровнем дохода [Гурко, 2001] и по продолжительности не уступает браку, пока не подходит для рождения и воспитания ребенка. Ожидалось, что сожительство выбирают преимущественно представители молодых поколений с профессиональным и высшим образованием, нерелигиозные, проживающие в мегаполисах, а самой распространенной последовательностью событий, связанных с формированием семьи, для современных поколений выступает следующая:

1) отсутствие партнера для совместного проживания, 2) вступление в сожительство, 3) легализация сожительства (первый брак), 4) рождение первого ребенка.

Для проверки этих гипотез использовали методы, применяемые в социологии жизненного пути: анализ наступления событий и анализ последовательностей.

Анализ наступления матримониальных событий

В рамках исследования рассмотрено несколько сюжетов, которые проанализированы при помощи анализа наступления событий.

Первая группа моделей посвящена выявлению и сравнению факторов вступления в сожительства и браки как первые союзы (модели 1, 2). Вторая группа описывает, как связаны с зачатием следующие события: вступление в сожительство и брак как первые союзы (модели 3, 4), вступление в брак после опыта сожительства (модель 5).

Первая группа моделей

Старты матримониальных траекторий, относящиеся к первой группе моделей, представлены на рис. 1.

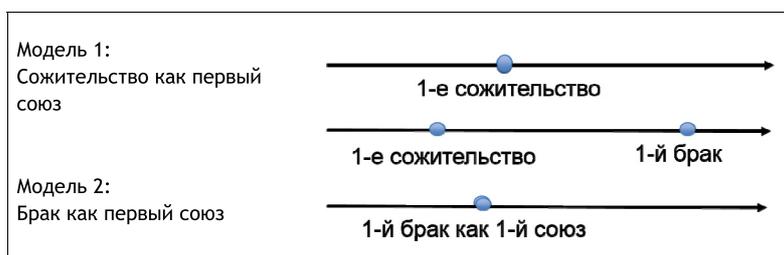

Рисунок 1. Брачно-партнерские траектории для моделей 1 и 2

Для модели, выявляющей факторы вступления в сожительство как первый союз, подходят два варианта: когда у респондента на протяжении жизненного пути было первое сожительство и не было ни одного брака и когда после сожительства у индивида был минимум один брак. Для модели, выявляющей факторы вступления в браки как в первые союзы, необходимо, чтобы браку не предшествовало сожительство. Спецификация моделей 1 и 2 представлена в табл. 2.

Таблица 2. Исходные характеристики регрессий Кокса для моделей 1 и 2

Элементы модели	Регрессии Кокса для моделей	
	1	2
	15 лет — 1-е сожительство	15 лет — 1-й брак
Событие	Вступление в первый союз	
Объект	Респонденты в возрасте от 15 лет	
Зависимая переменная (время)	Количество месяцев от 15 лет до вступления в первое сожительство	Количество месяцев от 15 лет до вступления в первый брак

Продолжение табл. 2

Элементы модели	Регрессии Кокса для моделей	
	1	2
	15 лет — 1-е сожительство	15 лет — 1-й брак
Объясняющие переменные	<ul style="list-style-type: none"> • пол • населенный пункт • уровень образования • религиозность 	<ul style="list-style-type: none"> • пол • населенный пункт • уровень образования • религиозность
Стратифицирующая переменная	Поколения	Поколения

В табл. 3 представлены относительные числа наблюдений для всех участвующих в анализе переменных.

Таблица 3. Относительное число наблюдения для предикторов первой группы моделей, %

Переменная	Категории переменной	РидМиЖ*	ЧСО**
Поколения	1935—1944	16,8	—
	1945—1954	21,4	—
	1955—1964	26,8	—
	1965—1974	21,4	—
	1975—1984	13,5	48,1
	1985—1994	—	51,9
Пол	мужской	32	49
	женский	68	51
Населенный пункт	город	56,8	40,1
	село	43,2	59,9
Образование	высшее	22,3	33,8
	профессиональное	54,6	37,6
	общее	23,1	28,6
Религиозность	верующие	82,3	65,4
	неверующие	17,7	34,6

* Здесь и далее: «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004, 2007, 2011 гг.).
** Здесь и далее: «Человек, семья, общество» (2013 г.).

Поколенческая структура обследования РидМиЖ соответствует возрастной структуре населения России, в которой преобладают люди, родившиеся с 1945 по 1975 г. Обследование «Человек, семья, общество» (ЧСО) направлено на выявление особенностей поведения молодых россиян.

Чтобы учесть разницу в матримониальном поведении мужчин и женщин, в модель включена переменная «пол». Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля женщин составляет 54 % от населения страны. Массив данных панели исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) серьезно смещен в сторону женщин. Перевзвешивание массива всех волн панели не проводили, поскольку оценить смещение панели

в результате выбытия респондентов невозможно. Массив данных ЧСО не взвешивался, поскольку расхождение с генеральной совокупностью можно считать незначительным.

Для контроля влияния на поведение респондента среды его проживания была включена переменная «тип населенного пункта». В случае панели РидМиЖ этот показатель брался на момент третьей волны (2011 г.). Миграционная подвижность населения в России низкая, поэтому использование текущего типа населенного пункта может лишь незначительно сместить общие оценки. РидМиЖ в большей степени охватывает городское население, тогда как в массиве ЧСО сельские жители составляют более половины респондентов.

Если говорить об уровне образования, то в массиве обследования ЧСО, репрезентирующем молодое население России, по сравнению с РидМиЖ, выше доля людей с высшим образованием и ниже с профессиональным.

Для контроля параметра религиозности была создана бинарная переменная «религиозность» с категориями «исповедую одну из религий» (верующий) и «не исповедую ни одну из религий» (неверующий). В ЧСО гораздо меньшая доля респондентов, чем в РидМиЖ, причисляет себя к верующим.

В отношении всех переменных проведен корреляционный анализ, который показал, что переменные независимы, и их можно включать в модели.

Результаты анализа первой группы моделей

Базовые характеристики моделей показывают, что хотя бы одна из переменных объясняет изменение зависимой переменной, т. е. связана с вероятностью наступления сожительства или брака. Значимость почти всех коэффициентов не превышает 5%, т. е. они статистически значимы. Коэффициенты модели 1 представлены в табл. 4.

Таблица 4. Регрессии Кокса для модели 1:
вероятность вступления в первое сожительство после достижения 15 лет

Объясняющие переменные	Категории переменных	РидМиЖ: 1444 события	ЧСО: 1925 событий
		Коэффициенты моделей Exp(B)	
Пол	Мужчины	Референтная группа	
	Женщины	1,181***	1,255***
Образование	Высшее	Референтная группа	
	Общее	1,654***	1,152***
	Профессиональное	1,438***	1,145***
Тип населенного пункта	Город	Референтная группа	
	Село	0,732***	0,944
Религиозность	Религиозен	Референтная группа	
	Нерелигиозен	1,411***	1,134***

*** Коэффициент статистически значим ($p < 0,001$).

В соответствии с моделью 1 для женщин вероятность вступления в незарегистрированный союз превышает аналогичный показатель для мужчин-сверстников примерно в 1,2 раза, что вызвано вступлением женщин в союзы в более раннем возрасте, чем мужчин. К 40 годам для обоих полов вероятность вступления в союз любого типа выравнивается.

Респонденты с профессиональным и общим образованием имеют, в случае респондентов РидМиЖ, примерно в 1,5 раза, а в случае респондентов ЧСО, в 1,15 раза больше шансов вступить в сожительство, чем представители референтной группы — люди с высшим образованием.

Для жителей сельской местности вероятность вступления в сожительство в 0,7 раз меньше, чем для горожан (РидМиЖ); для представителей молодых поколений — как в сельской местности, так и в городах — эта вероятность не различается статистически значимо (ЧСО).

Те, кто не причисляют себя к последователям одной из существующих религий, в 1,4 раза (РидМиЖ) и в 1,1 раза (ЧСО) более склонны к вступлению в сожительство, чем религиозные люди.

Стратифицирующей для всех моделей исследования выступала переменная «поколение». Рис. 2 отражает функции риска вступления в matrimониальный союз для представителей каждой из шести когорт для РидМиЖ и двух — для ЧСО. Чем к более молодому поколению принадлежит респондент, тем больше он склонен к вступлению в сожительство в качестве первого союза. Пунктирная линия показывает наступление 35 лет. Представители самых молодых поколений не достигли этого возраста, однако уже сейчас можно предположить, что для них накопленная вероятность вступить в первое сожительство еще немного вырастет.

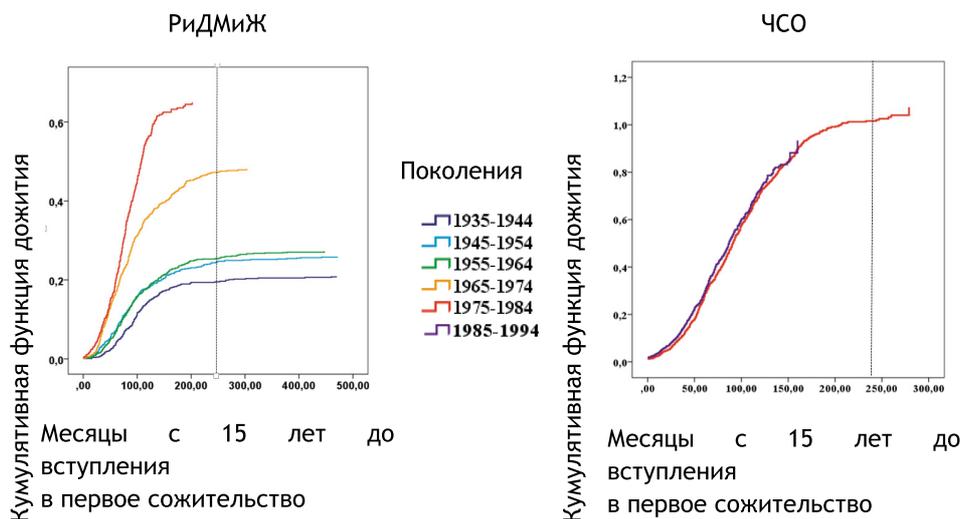

Рисунок 2. Функции вероятности вступления в первое сожительство

Модель 2 была построена для выявления факторов вступления в первый брак без предварительного сожительства (табл. 5).

Таблица 5. Регрессия Кокса для модели 2:
риск вступить в первый брак после достижения 15 лет

Объясняющие переменные	Категории переменных	РидМиЖ: 3135 событий	ЧСО: 568 событий
		Коэффициенты моделей Ехр(В)	
Пол	Мужчины	Референтная группа	
	Женщины	1,182***	1,553***
Образование	Высшее	Референтная группа	
	Общее	0,960	0,781**
	Профессиональное	1,098**	1,281**
Тип населенного пункта	Город	Референтная группа	
	Село	1,224***	1,191**
Религиозность	Религиозен	Референтная группа	
	Нерелигиозен	0,793***	0,686***

*** Коэффициент статистически значим ($p < 0,001$).

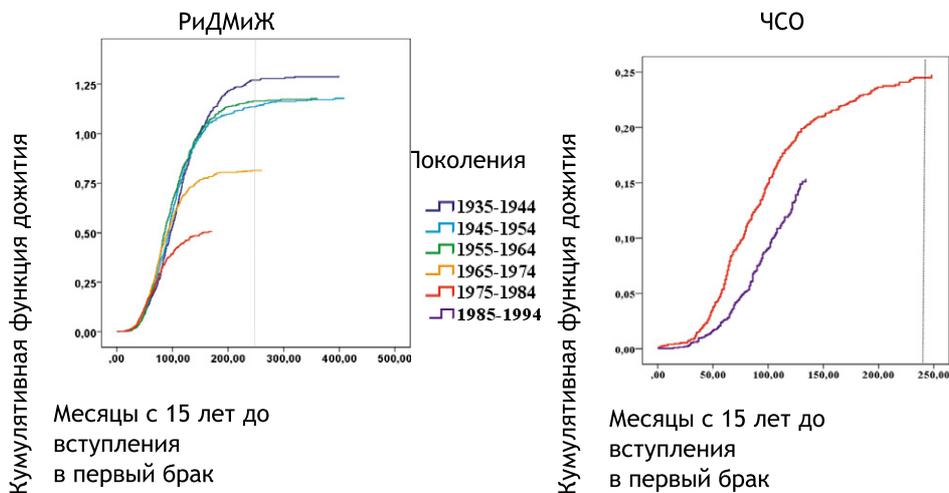

Рисунок 3. Функции риска вступления в первый брак как первый союз

Для женщин риск вступить в брак как первый союз превышает аналогичный показатель, рассчитанный для мужчин одного с ними возраста, в 1,2 раза (РидМиЖ) и 1,5 раза (ЧСО). В случае респондентов РидМиЖ риск вступить в брак без предварительного сожительства слабо связан с уровнем образования. В случае ЧСО ситуация иная: молодые поколения россиян с высшим образованием с большей долей вероятности вступают в брак, чем их ровесники с общим образованием, однако они примерно в 1,3 раза менее склонны к регистрации отношений, чем их сверстники с профессиональным образованием. При прочих равных условиях для жителей сельской местности вероятность вступления в брак как первый союз

в 1,2 раза превышает этот показатель, рассчитанный для горожан всех поколений. Те, кто не причисляют себя ни к одной из религий, имеют в 0,7 раза меньше шансов вступить в брак без предварительного сожительства, чем религиозные люди.

Чем к более старшему поколению принадлежит респондент, тем выше для него вероятность вступления в брак без предварительного сожительства (рис. 3).

Вторая группа моделей

Чтобы понять, подходит ли сожительство для реализации родительства или респонденты предпочитают официально оформлять свои отношения, узнав о зачатии (так называемый брак вдогонку), мы сравнили модели вступления в сожительство и брак как первые союзы и брак после опыта сожительства, где объясняющей переменной выступало наступление зачатия до момента вступления в анализируемый союз (рис. 4 и табл. 6).

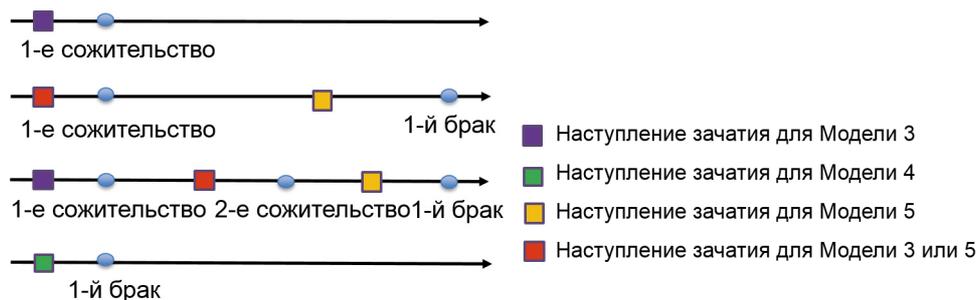

Рисунок 4. Брачно-партнерские траектории и наступление зачатия для моделей 3, 4, 5

Независимая переменная была построена отдельно для каждой модели, чтобы зафиксировать факт наступления зачатия строго до вступления в каждый из анализируемых союзов. Для моделей 3 и 4 построение этой переменной (наступление зачатия отмечено фиолетовым и зеленым) не вызвало затруднений.

В случае модели 5, из-за отсутствия информации о том, с каким партнером был заключен тот или иной союз, в ситуации, когда после зачатия респондент вступил в сожительство, а затем — в брак (отмечено красным на рис. 4), сложно установить, способствовало ли зачатие вступлению в сожительство или брак. Мы выявили, более чем в 80% случаев между первым зачатием и браком прошло не менее 45 месяцев, а значит, ребенку на момент вступления в брак после сожительства было не менее трех лет, т. е. зачатие простимулировало вступление именно в сожительство, а не в брак. Брак, скорее всего, был призван узаконить права ребенка и семьи на юридическом уровне. Таким образом, зачатие, наступившее более чем за 45 месяцев до вступления в брак, следует считать стимулятором сожительства, а не брака, последовавшего за ним через некоторое время (модель 3).

В ситуации вступления в брак после опыта сожительства зачатие (отмечено желтым) наступило строго между браком и предшествующим ему сожительством (даже если это было сожительство второй очередности). Спецификация моделей 3, 4 и 5 представлена в табл. 6.

Таблица 6. Исходные характеристики регрессий Кокса для моделей 3, 4 и 5

Элементы модели	Регрессии Кокса для моделей		
	3	4	5
	15 лет — 1-е сожитительство	15 лет — 1-й брак	1-е сожитительство — 1-й брак
Событие	1-е сожитительство	1-й брак	1-й брак после 1-го сожитительства
Объект	Респонденты от 15 лет		Респонденты после вступления в 1-е сожитительство
Зависимая переменная	Количество месяцев от 15 лет до вступления в союз		Количество месяцев от 1-го сожитительства до 1-го брака
Объясняющая переменная	Наступление зачатия до вступления в анализируемый союз		

Результаты анализа второй группы моделей

Чтобы оценить роль зачатий в процессе формирования матримониальных союзов, построено по три регрессии Кокса для каждой базы данных. Из-за малого количества событий, подходящих под заданные траектории, регрессии Кокса, построенные для моделей 3, 4 и 5, получились невысокого качества, поэтому подробные результаты по ним приводиться не будут. Однако значимые результаты были агрегированы, проанализированы и представлены в виде схем (рис. 5 и 6).

Рисунок 5. Роль зачатия в процессе вступления в союзы разных типов (РидМиЖ)

По данным всех трех моделей, построенных для РидМиЖ (рис. 11), выявлено, что зачатие стимулировало наступление 20% первых сожитительств, 23% первых браков и 16% браков после опыта сожитительства. Согласно регрессионным ко-

эффициентам, для тех, у кого наступило зачатие, вероятность вступления в сожитительство в 4 раза больше, а вступления в брак как первый союз — в 3 раза больше, чем для тех, у кого зачатие не наступило. В модели 3 (вступление в брак после опыта сожитительства), значимость коэффициента сильно превышает 5%, т. е. не зачатие, а иные факторы стимулируют вступление в такой брак.

Согласно данным обследования ЧСО (рис. 6), зачатие стимулировало наступление 6,9% первых сожиттельств, 21% первых браков и 6% браков после опыта сожитительства. Если отличие от РидМиЖ по доле простимулированных браков составляет всего 2%, то простимулированных деторождением сожиттельств в ЧСО меньше почти в 3 раза, а браков после опыта сожитительства — в 2,6 раза. В выборке РидМиЖ, где представлены более зрелые индивиды, сожитительства показали себя пригодными для воспитания детей практически наравне с браками. А в выборке ЧСО, где представлены более молодые респонденты, еще не обладающие достаточной независимостью и свободой от родителей, в случае рождения детей, отношения чаще оформлялись официально, что могло служить неким гарантом серьезности намерений молодых людей в глазах родителей.

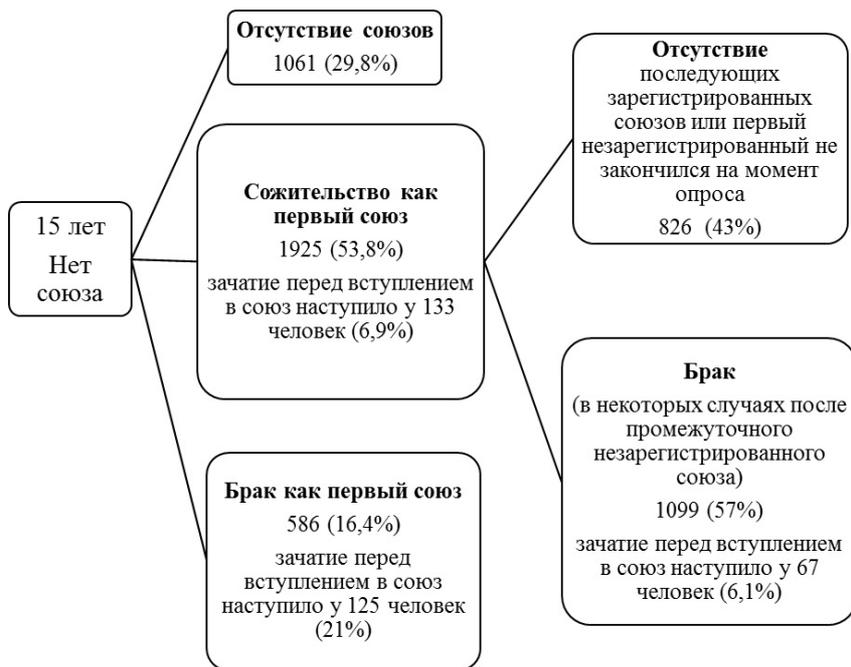

Рисунок 6. Роль зачатия в процессе вступления в союзы разных типов (ЧСО)

Анализ последовательностей наступления матримониальных и репродуктивных событий

Для корректной работы с последовательностями возрасты наступления событий были ограничены. В выборке РидМиЖ присутствуют представители пяти

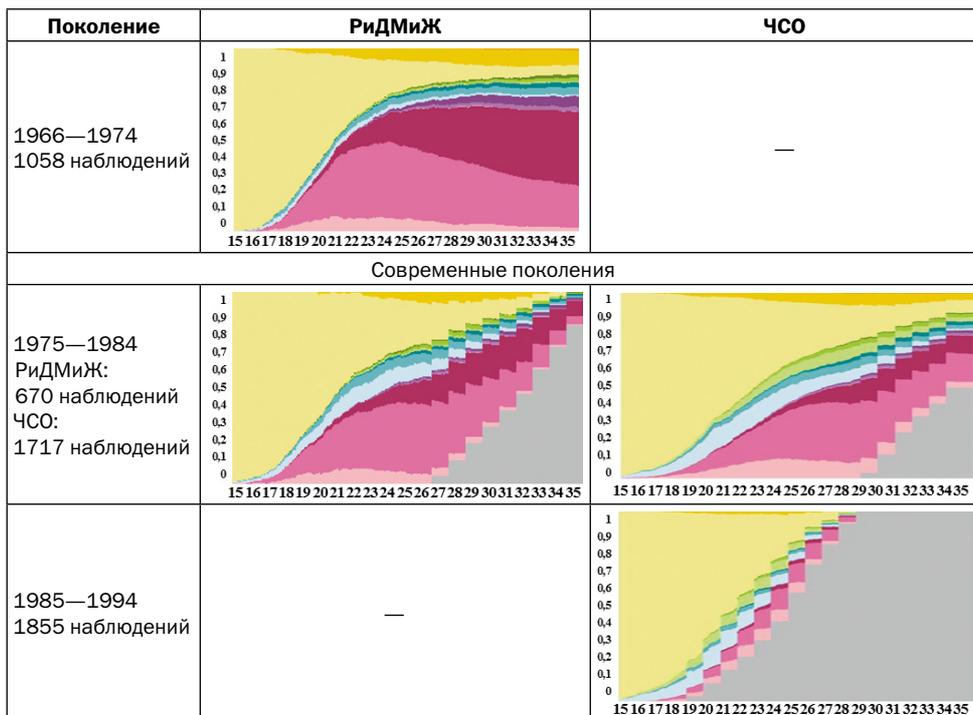
поколений, причем самым младшим респондентам на момент проведения третьей волны было 25 лет; в ЧСО представлено еще более молодое поколение. Чтобы уловить изменения, происходящие в матримониальном поведении россиян, необходимо уравнивать шансы представителей всех поколений вступить в союз первой очередности. Возраст вступления в первый союз был ограничен 35 годами, что позволило избежать влияния нетипичных возрастов вступления в первые союзы представителей старших поколений.

В рамках анализа последовательностей построены хронограммы для матримониальных и репродуктивных событий обоих обследований. Для того чтобы проследить переходы между разными событиями, мы добавили союзы второго порядка, что позволило зафиксировать не только типичные траектории жизни респондентов и длительность нахождения в каждом из статусов, но и уловить разницу в поведении представителей разных поколений.

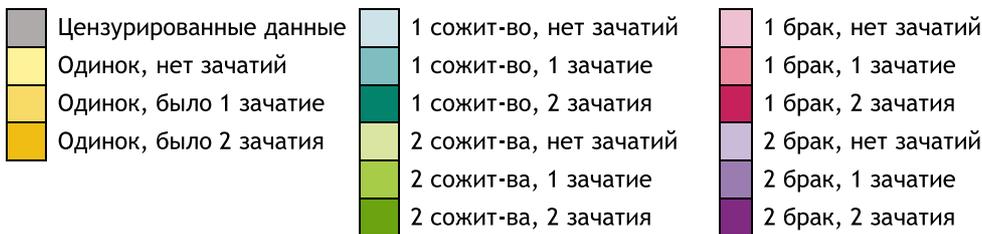
В табл. 7 представлены индивидуальные матримониальные траектории респондентов по поколениям. По горизонтали каждой хронограммы расположены возрасты респондентов от 15 до 35 лет. Самые молодые респонденты еще не достигли верхней границы возраста, поэтому в случае современных поколений нам пришлось работать с цензурированными данными (отмечены серым). По вертикали представлены частотные распределения событий (от 0 до 1).

Таблица 7. Последовательности матримониальных и репродуктивных событий

Поколение	РидМиж	ЧСО
Советские поколения		
1935—1944 833 наблюдения		—
1945—1954 1058 наблюдений		—
1955—1964 1328 наблюдений		—

Легенда хронограмм

Из рисунков видно, что самой частой последовательностью во всех поколениях является следующая:

- 1) период одиночества, к которому может относиться как фактическое одиночество, так и пребывание в партнерстве, не предполагающем совместного проживания;
- 2) вступление в брак;
- 3) наступление первого и второго зачатия.

Частота встречаемости этой модели поведения постепенно снижается при переходе от советских поколений к постсоветским, перерастая в траектории, где после первого брака следует второй или период, когда человек вынужден воспитывать детей без партнера. Традиционная форма матримониального поведения уступает место другим последовательностям, что подтверждает предположение о деинституционализации путей жизни.

Выделяются траектории, где браку предшествует одно или два сожительства (сожительства как пробные браки), а также прослойки тех, кто никогда не был в браке и воспитывает одного-двух детей в первом или втором сожительстве (сожительство в данном случае продолжительно, партнеры имеют хотя бы одного ребенка, т. е. оно выступает самостоятельным союзом). Такие прослойки становятся все более и более заметными для каждого последующего поколения, а значит, распространение сожительств постепенно переходит от этапа популяризации к этапу легитимации.

Сопоставив факторы вступления в первые сожительства с факторами вступления в браки, мы попытались определить стадию распространения сожительств в России.

Для советских поколений (данные РидМиЖ) вероятность вступления в сожительство как первый союз выше для женщин, представителей поколений 1965—1974 г.г., лиц, получивших среднее или профессиональное образование, жителей городов и нерелигиозных людей. Вероятность вступления в брак как первый союз слабо связана с уровнем образования: она выше для женщин, религиозных людей и жителей сельской местности. Для современных поколений (данные ЧСО) вероятность вступления в союзы разных типов зависит только от пола (у женщин больше шансов вступить в любой матримониальный союз), уровня образования (люди с профессиональным образованием более склонны вступать в сожительство, чем в браки) и религиозности (для причисляющих себя к одной из религий риск вступить в брак выше, чем для нерелигиозных).

Зачатие часто предшествует сожительствам и бракам как первым союзам, но не выступает сильным стимулом к регистрации отношений. В выборках обследований присутствуют респонденты, воспитывающие ребенка в незарегистрированных союзах. Анализ последовательностей позволил выявить, что в более молодых поколениях происходит увеличение прослойки людей, воспитывающих одного или двоих детей в незарегистрированных союзах. В таких случаях сожительство следует считать самостоятельным институтом, альтернативой браку. Анализ показал, что наиболее часто во всех поколениях встречается последовательность событий, начинающаяся с периода одиночества (фактическое отсутствие партнера или пребывание в партнерстве, не предполагающем совместное проживание) и заканчивающаяся вступлением в брак с последующими первым и вторым зачатиями.

Помимо тех, кто никогда не был в браке и воспитывает одного-двух детей в одиночестве или в сожительстве, для представителей современных поколений выделяются и траектории, где браку предшествует сожительство (как первое, так и второе), переходящее в брак. В этих случаях сожительство является пробной версией брака.

Современные поколения начинают свои брачно-партнерские биографии с сожительства как союза, предполагающего меньшую степень ответственности, чем брак, и не препятствующего получению образования, саморазвитию, но в то же время обладающего преимуществами брака (общий бюджет, жилье), что особенно важно в период неопределенности. Изменение норм и ценностей в современном мире приводит к тому, что люди придают меньшее, чем прежде, значение религи-

озным, общественным, семейным традициям, начиная формировать и наполнять свой жизненный путь, опираясь на собственные приоритеты. Поэтому более свободные в своих взглядах горожане, молодежь, нерелигиозные, образованные люди становятся локомотивом изменений в матримониальной сфере.

Таким образом, распространение сожителств в России действительно подходит к этапу легитимации. В современном российском обществе формы брачно-партнерского и репродуктивного поведения становятся разнообразнее и непредсказуемее. На смену упорядоченной последовательности событий индивидуальной биографии приходит разнообразие жизненных путей.

Список литературы

Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С. 15—44.

Бурдяк А. Я. Применение метода «Анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. № 6. С. 189—202.

Вовк Е. А. Незарегистрированные отношения: разновидности брака или альтернатива ему // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2. С. 67—90.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004.

Головляница Е. Б., Синявская О. В. Панельное обследование РидМиЖ — новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. М. : НИСП, 2007. С. 35—47.

Гурко Т. А. Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М. : Канон-пресс-Ц, 2001. Раздел 2. С. 272—283.

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Новое изд-во, 2006.

Захаров С. В. Возрастная модель брака в России // Отечественные записки. 2006. № 4.

Захаров С. В., Митрофанова Е. С. Новые ниши брака и партнерства // Демоскоп Weekly. № 619—620. 17—30 ноября 2014 г.

Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. М. : НИСП, 2007. С. 75—126.

Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73—112.

Исупова О. Г. Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. № 565—566. 2—15 сентября 2013 г.

Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39—60.

Митрофанова Е. С. Репродуктивные и брачно-партнерские события первого порядка как элементы жизненного пути современных россиян // Ученые записки Открытого демографического семинара молодых ученых. Тетрадь 2 : сб. ст. М. : МАКС Пресс, 2012. С. 48—60.

Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 519—542.

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Проект в рамках панъевропейской программы «Поколения и гендер» [Электронный ресурс]. URL: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml (дата обращения: 15.04.2015).

Человек, Семья, Общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml> и URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2559218 (дата обращения: 15.04.2015).

Avdeev A., Monnier A. Marriage in Russia : A Complex Phenomenon Poorly Understood. Popul. Engl. 2000. Ser. 12. P. 7—49.

Billari F. C. Sequence Analysis in Demographic Research. Special Issue on Longitudinal Methodology // Canadian Studies in Population. 2001. Vol. 28. N 2. P. 439—458.

Bodrova V. Russian attitudes on sex and youth // Choises. 1996. Vol. 25. N 1. P. 9.

Elder Jr., Glen H. Age Differentiation and the Life Course // Annual Review of Sociology. 1975. P. 413—433.

Gerber T. P., Berman D. Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985—2000 : Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition : La mise en couple en Russie, 1985—2000 : tendances, facteurs associés et implications par rapport à la seconde transition démographique // Eur. J. Popul. Rev. Eur. Démographie. 2010. N 26. P. 3—31.

Kaa D. J. van de. Europe's Second Demographic Transition. Popul. Bull. 1987. Vol. 42. P. 3—57.

Kaa D. J. van de, Lesthaeghe R. Two Demographic Transitions? Population : Growth and Decline, 1986. P. 9—24.

Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy / ed. by Booth A. and Crouter A. NY : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 3—31.

Klijzing E., Corijn M. Comparative research on fertility and the family in contemporary Europe : Findings and lessons. Geneva. NY : United Nations, 2001.

Lesthaeghe R. The second demographic transition in Western countries : An interpretation // Gender and Family Change in Industrialized Countries. Oxford : Clarendon Press, 1995. P. 17—62.

Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition : An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland // Eur. J. Popul. 2002. Vol. 18. N 4. P. 325—360.

Matysiak A. Is Poland really «immune» to spread of cohabitation? // Demographic research. 2009. Vol. 21. N 8. P. 215—234.

Mayer K. U. Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses // Res. Hum. 2004. Dev. 1. P. 161—187.

Mayer K. U. New Directions in Life Course Research // Annual Review of Sociology. 2009. Vol. 35. N 1. P. 413—433.

Mills M. The transformation of partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity. Amsterdam : Thella Thesis Population Studies Series, 2000.

Mills M. Providing Space for Time — The Impact of Temporality on Life Course Research. TIME & SOCIETY. 2000. Vol. 9. N 1. March. P. 91—127.

Mills M. Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // Eur. J. Popul. Eur. Démographie. 2004. N 20. P. 141—175.

Mills M., Blossfeld H. The Second Demographic Transition Meets Globalization : A Comprehensive Theory to Understand Changes in Family Formation in an Era of Rising Uncertainty // Life Course Research and Social Policies. 2013. Vol. 1. P. 9—33.

Mitrofanova E. S. Demographic behavior of Russians: family and fertility patterns across generations // Macrotheme Rev. 2013. N 2. P. 71—80.

Philipov D., Jasilioniene A. Union formation and fertility in Bulgaria and Russia : A life table description of recent trends // Demogr. Res. 2008. N 19. P. 2057—2114.

Scherbov S., van Vianen H. Marriage in Russia: a reconstruction // Demogr. Res. 2004. N 10. P. 27—60.

Sobotka T., Toulemon L. Overview Chapter 4: Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // Demographic Research 2008. Vol. 19. N 6. P. 85—138.

Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F. C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J. M., MacDonald A., Neyer G. Generations and Gender Survey (GGS): Towards a better understanding of relationships and processes in the life course // Demogr. Res. 2008. N 17. P. 389—440.

Vishnevsky A. G. Demographic Changes in Russia — Past and Future // Yearb. Popul. Res. Finl. 1998. Vol. XXXV. P. 39—75.

Vishnevsky A. G. A new stage of Russian demographic development // Russ. Facing Demogr. Chall. Natl. Hum. Dev. Rep. Russ. Fed. 2009. P. 18—25.

Zakharov S. Russian Federation: From the first to the second demographic transition // Demogr. Res. 2008. N19. P. 907—972.